

12+

СЕРГЕЙ ШМАЛЬ

ТИХАЯ ВОДА ЖИЗДРЫ

Сергей Шмаль

Тихая вода Жиздры

«Издательские решения»

Шмаль С.

Тихая вода Жиздры / С. Шмаль — «Издательские решения»,

Пятьдесят три года, двадцать восемь из них — у школьной доски. И вот — экран, голос без души, дети-роботы. Кажется, конец. Но русская глубинка не сдаётся: здесь топят печи, варят варенье, сажают яблони и верят, что живое сильнее мёртвого. Рассказ Сергея Шмаля — о тихом подвиге учителя, о музыке, спасающей от отчаяния, и о том, что даже в мире победивших алгоритмов есть место свече, Шопену и простому человеческому «спасибо».

© Шмаль С.

© Издательские решения

Тихая вода Жиздры

Сергей Шмаль

Тонечке — прекрасной, как музыка, жене моей — с любовью

Дизайнер обложки Иван Александрович Язев

© Сергей Шмаль, 2026

© Иван Александрович Язев, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4614-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Снег в ту зиму выпал рано — еще до Покрова лег плотно, уютно, точно придавил лапой всю козельскую округу к теплой груди земли. И сразу стало тихо — так тихо, как бывает только в русской глубинке, когда застывает речка Жиздра, когда чернеют голые ветлы вдоль берега, а небо над Оптиной пустыней делается низким, сизым, обещающим долгую спокойную зиму.

Алексей Петрович вышел на крыльцо своей избы еще затемно. Деревянные ступени жалобно скрипнули под валенками — старый дом тоже чувствовал зиму, кряхтел суставами разошедшихся половиц, постанывал печной трубой на ветру. Учитель математики постоял минуту, прислушиваясь. Где-то далеко, у моста через Жиздру, лениво тявкала собака. Из трубы соседского дома поднимался прямой, как свечка, дым — значит, день будет безветренным, морозным, ясным.

Борода у Алексея Петровича тут же заиндевела от дыхания. Он провел по ней широкой ладонью, усмехнулся в усы — пятьдесят три года прожил, двадцать восемь из них в этой школе, а все не привык к первому настоящему морозу. Все ему казалось, что зима приходит внезапно, как неожиданный гость, хотя каждый год он сам готовил избу к холодам: конопатил окна, проверял печь, заготавливал дрова еще с лета, складывая березовые поленья в аккуратную поленницу у забора.

Участок в двадцать соток спал под снежным одеялом. Яблони, посаженные еще прежним хозяином — давно уж покойным дедом Митрофаном, — стояли, раскинув корявые ветви, и на каждой ветке лежала пухлая снеговая подушка. Кусты смородины превратились в белые холмики. Дорожка к калитке угадывалась лишь по двум рядам сугробов, меж которых вилась едва заметная тропка — Алексей Петрович еще вчера прошелся лопатой, но за ночь намело снова.

Он взял лопату, прислоненную к стене сарая, и начал чистить. Работал неторопливо, основательно, с той особой крестьянской обстоятельностью, которую впитал еще в детстве от отца — тот был учителем в глухой сибирской деревне, куда Распутины попали после войны. Движения лопаты были ритмичны, почти математически выверены: взмах, снег летит в сторону, еще взмах. Скрип снега под ногами, шорох отбрасываемого пласта — и мысли, мысли, которым в это одинокое утро было особенно просторно.

Он думал о школе. Думал с горечью, которую носил в себе уже третий месяц, с самого сентября, когда в учительскую вошел директор Виктор Степанович — суетливый человек с вечно потеющими ладонями и бегающими глазами — и объявил, что район выделил средства на «инновационную образовательную платформу с элементами искусственного интеллекта». Тогда Алексей Петрович еще не понял, не осознал масштаба перемен. Ему представлялось что-то вроде усовершенствованного проектора или компьютерной программы — помогут, мол, детям быстрее считать. Он не был ретроградом, нет. Он сам когда-то, в девяностые, осваивал

первые компьютеры, понимал пользу технологий. Но то, что случилось дальше, превзошло самые худшие его опасения.

Из района прислали молодого человека в очках, с ноутбуком и долгим, трудным названием его должности — что-то вроде «специалист по внедрению адаптивных образовательных систем». Молодой человек подключил в каждом классе по большому экрану, настроил программу, которая говорила приятным женским голосом, и продемонстрировал «урок». Голос объяснял теорему Пифагора с такой плавной, завораживающей интонацией, с такими яркими анимациями, что дети поначалу сидели раскрыв рты. Экран показывал движущиеся квадраты, которые сами складывались в нужные фигуры. Голос терпеливо повторял материал столько раз, сколько требовалось классу. Он никогда не уставал, не раздражался, не ставил двоек, не вызывал к доске. Он просто вещал — безупречный, стерильный, мертвый.

Алексей Петрович помнил тот день до мельчайших подробностей. Молодой человек из района, представившийся Артемом Эдуардовичем, стоял у учительского стола и говорил, обращаясь к притихшим педагогам:

— Система «Дидакт-плюс» берет на себя полный цикл трансляции учебного материала. Ваша задача теперь, уважаемые коллеги, — обеспечение дисциплины и контроль усвоения. То есть вы теперь, по сути, тьюторы сопровождения. Вам больше не нужно готовить уроки, проверять тетради — за вас все сделает система. Она анализирует успеваемость каждого ученика в реальном времени и адаптирует программу под его нужды. Понимаете? Индивидуальный подход, о котором мы так долго мечтали, наконец реализован.

Тогда-то у него внутри и поселился этот холодок — липкий, неприятный, похожий на тот, что проникает за воротник, когда в оттепель с крыши капает вода. Индивидуальный подход — но только без человека. Обучение — но без учителя. Знание — но без души.

И вот теперь каждое утро Алексей Петрович шел в школу с тяжелым сердцем. Он заходил в класс, садился за последнюю парту — да-да, за последнюю, потому что его место у доски занял огромный черный экран — и следил, чтобы дети не шумели. Следил, чтобы восьмиклассники не перешептывались, пока бездушный голос объяснял им решение квадратных уравнений. Он, учитель с двадцативосьмилетним стажем, выпускник мехмата, человек, который знал о математике то, чего не напишут ни в одном алгоритме — ее поэзию, ее музыку, ее удивительную связь с живой жизнью, — теперь выполнял функции надзирателя. Какая жестокая, издевательская насмешка судьбы!

Дорожка была уже наполовину расчищена, когда Алексей Петрович услышал за калиткой знакомый голос:

— Алексей Петрович! Доброе утро! Вы опять раньше всех!

Он поднял голову. У калитки стояла Мария Сергеевна, учительница музыки, укутанная в серый пуховый платок так, что видны были только глаза — большие, светлые, какие-то удивительно ясные, словно омытые родниковой водой. Она держала в руках пакет, из которого торчал батон и виднелась бутылка молока. Валенки на ней были подшиты аккуратными кожаными заплатками — видно, что женщина живет одна и привыкла сама управляться с хозяйством.

— Доброе утро, Мария Сергеевна, — Алексей Петрович воткнул лопату в сугроб и шагнул к калитке. — Вы что ж в такую рань? В школу еще два часа.

— Да я, знаете, люблю утром по морозцу пройтись. Пока дойду через весь поселок — мысли в порядок приведу. А вы, смотрю, уже полдела переделали. Хозяин.

Она говорила мягко, певуче, и в голосе ее всегда слышалась та особая теплота, за которую ее так любили ученики. Мария Сергеевна была учительницей музыки уже двадцать лет — приехала в Козельск откуда-то из-под Вологды, да так и осталась. Никогда не была замужем — то ли не встретила того самого, то ли хранила в сердце какую-то старую рану, о которой никому не рассказывала. Жила одна в маленьком домике на другом конце поселка, у самого леса, держала кошку и учила музыке соседскую девочку Леночку — единственную, кажется,

ученицу во всем поселке, которая еще хотела играть на фортепиано, а не тыкать пальцами в планшет.

— Да какой я хозяин... — учитель махнул рукой. — Так, дворник при собственном доме.

— Ну что вы, Алексей Петрович. Дом у вас — загляденье. И яблоки какие в этом году уродились — помните, вы меня осенью угощали? Антоновка ваша — мед, не яблоки.

— Помню, как не помнить. Вы тогда еще про Шопена рассказывали, что у него тоже где-то в поместье яблоневый сад был.

Глаза Марии Сергеевны потеплели — ей было приятно, что он запомнил тот разговор. Они вообще часто беседовали — то у калитки встретятся, то в школьном коридоре перекинутся парой слов. Их объединяло что-то непроговариваемое, какое-то общее понимание жизни, которое не требовало долгих объяснений. Оба были из той породы людей, что еще не перевелись в русской глубинке — основательных, неторопливых, укорененных в своей земле и своей судьбе.

— Как ваша новая... эта... как ее... «Дидактика»? — Мария Сергеевна поморщилась, точно откусила что-то кислое.

— «Дидакт-плюс», — поправил Алексей Петрович. — Да всё так же. Голос в экране рассказывает детям про дискриминант, а я сижу надзирателем. Как цербер при входе в ад.

— Ох, не говорите так. Не ад это.

— Знаю, что не ад. Хуже. Ад — это место, где есть хоть какая-то определенность. А тут — пустота. Понимаете, Мария Сергеевна, пустота, замаскированная под прогресс. Дети смотрят на экран, и глаза у них — как у кукол. Стекланные. Им скучно. Им тоскливо. Им не хватает...

Он замолчал, подбирая слово.

— Человека, — тихо закончила за него Мария Сергеевна. — Им не хватает живого человека.

— Вот именно! — он с жаром рубанул воздух рукой в варежке. — Понимаете? Машина объясняет идеально. С точки зрения логики. Но она не может улыбнуться, когда ученик ошибся и сам понял свою ошибку. Она не может рассказать, что Пифагор был, между прочим, кулачным бойцом и музыкантом. Она не может остановиться у окна, увидев, как первый снег полетел, и сказать: «Ребята, посмотрите, снежинка — это фрактал, и мы его изучаем». Она не может просто помолчать с ними. А дети... им нужна тишина. Им нужно, чтобы на них смотрели живые глаза.

Мария Сергеевна вздохнула и переложила пакет из одной руки в другую. Алексей Петрович заметил это и поспешно открыл калитку:

— Что ж я вас на морозе держу. Зайдете? Чаю попьем. У меня печка как раз натоплена, самовар вскипит быстро.

— Неудобно как-то... Рано еще. И в школу собираться надо.

— Успеем. Заходите, не обижайте старика.

— Какой же вы старик? — она улыбнулась одними глазами, и от этой улыбки утренний мороз показался Алексею Петровичу не таким уж и колючим. — Ну хорошо, ненадолго. Только уговор — я вас угощу своим вареньем. С собой взяла баночку, Леночкиной маме несла, но и вам достанется. Из лесной земляники. Сама прошлым летом собирала.

— Лесная земляника — это святое, — учитель посторонился, пропуская гостью на расчищенную дорожку.

Они вошли в дом. В сенях пахло сухими травами — Алексей Петрович с лета развесил под потолком пучки зверобоя, душицы, мяты. Старая привычка, еще от матери: та говорила, что травы отгоняют худые мысли и болезни. Мария Сергеевна сняла платок, и стало видно ее лицо — тонкое, одухотворенное, с мягкими линиями и едва заметными морщинками у глаз. Ей было около сорока пяти, но выглядела она моложе — то ли из-за какой-то внутренней чистоты, которая словно светилась изнутри, то ли из-за того, что жизнь ее текла размеренно, без суеты.

Одевалась она всегда скромно, целомудренно — длинная юбка, светлая кофта с глухим воротом, никаких украшений, кроме маленького серебряного крестика на цепочке. Волосы русые, с редкой проседью, были собраны в аккуратный пучок на затылке.

— У вас всегда так уютно, — сказала она, оглядывая горницу. — И книги повсюду. Как в библиотеке.

Действительно, изба Алексея Петровича напоминала скорее кабинет ученого, чем деревенский дом. Стены были заставлены стеллажами с книгами — математические труды, русская классика, философия, богословие. На столе у окна лежала раскрытая тетрадь, исписанная формулами, — он вчера допоздна сидел над одной занятной задачкой о распределении простых чисел. Рядом с тетрадью стояла керосиновая лампа — электричество электричеством, а привычка зажигать живой огонь осталась с тех давних времен, когда он студентом снимал угол в деревне.

— Располагайтесь, — он пододвинул к столу стул. — Сейчас чайник поставлю.

Пока он возился у печки, подкладывая березовые поленья и подвешивая на крюк старый медный чайник, Мария Сергеевна сидела молча, грея руки о теплые бока только что занесенного с мороза самовара (электрический, но в форме старинного — подарок выпускников на двадцатилетие учительской работы). Она смотрела в окно на заснеженный сад, и мысли ее текли медленно, как вода в незамерзающей заводи.

Она тоже страдала от этого проклятого «Дидакта». Музыку, слава Богу, пока не доверили машине — не могли доверить, потому что музыка это не информация, это таинство, — но дух бездушных технологий уже проник и в ее класс. Дети приходили на уроки с телефонами, в ушах у них торчали наушники, и они слушали какую-то ерунду, думая, что это и есть музыка. А когда Мария Сергеевна садилась за старенькое школьное пианино «Заря» с пожелтевшими клавишами и начинала играть «Лунную сонату» или «Времена года» Чайковского, они слушали — сначала из вежливости, а потом... потом что-то менялось в их лицах. Они затихали. Они переставали жевать жвачку и переписываться в чатах. Они смотрели на ее руки, летающие по клавишам, и на их глазах происходило чудо — они впускали в себя живое искусство.

Но администрация уже намекала, что и музыку скоро «оптимизируют». Что есть, мол, замечательные программы для создания музыки, что дети могут учиться играть на синтезаторе с подсветкой клавиш, что живое исполнение — это «неэффективный формат передачи информации». Информации! Это гениальное творение Бетховена, выстраданное им в глухоте и одиночестве, — всего лишь «информация»!

— Вы знаете, Алексей Петрович, — заговорила она, когда чай был разлит по чашкам и на столе появилась банка с земляничным вареньем, — я иногда просыпаюсь ночью и думаю: а что будет с детьми через десять лет? Через двадцать лет? Они привыкнут, что им все разжевывает машина. Они разучатся думать. Раз — и готовый ответ. Им не нужно будет напрягаться, искать, ошибаться, мучиться, снова искать. А ведь только так и рождается настоящее знание. В муках, как жизнь.

— В муках, — повторил за ней Алексей Петрович, помешивая ложечкой чай. — Вы правы. Я всегда говорил ученикам: математика — это не про ответ. Ответ — это скучно. Математика — это про путь. Про то, как ты ищешь решение. Про то, что правильных путей много, и каждый — это твой собственный путь. А этот... «Дидакт»... он дает решение за секунду. Но это не твое решение. Это алгоритм. И человек привыкает жить не своим умом.

— Как страшно, — она поставила чашку на блюдце и зябко повела плечами, хотя в комнате было тепло. — Привыкнуть жить не своим умом. Это же конец человечества.

— Тише, тише, — он улыбнулся в бороду. — Человечество переживало и не такое. Книжки жгли — пережили. Сейчас вот экраны жгут души — тоже переживем. Только тяжело это все видеть.

Они помолчали. Было слышно, как потрескивают дрова в печи и как за окном ветер шуршит снегом по насту.

— А вы заметили, — вдруг сказал Алексей Петрович, — что дети стали чаще приходить?

— К вам? — она подняла на него глаза.

— Да. Раньше, до всей этой электронной чумы, бывало, забегут раз в неделю — кто задачку спросить, кто просто чаю попить с моим малиновым вареньем. А теперь... теперь почти каждый день кто-нибудь да постучится. То Петька Комаров прибежит — он, кстати, очень толковый парень, способный к математике, но ленивый, — и сидит у меня два часа, будто задачка какая-то сложная. А задачка простая, он ее давно решил. Ему просто... ему поговорить нужно. Ему нужно, чтобы я посмотрел, как он решает, и сказал: «Молодец, Петр, голова у тебя работает». Ему машина этого не скажет. Машина говорит: «Ответ правильный, оценка 5». А ему нужно, чтобы я ему улыбнулся. Чтобы я его по плечу похлопал. Чтобы чай с ним выпил и спросил, как там его собака, которую он летом подобрал.

Мария Сергеевна слушала, и глаза ее увлажнились. Она знала это чувство. К ней тоже приходили. Девочка Леночка, которая жила по соседству, теперь забегала почти каждый вечер — нет, не на урок музыки, хотя и уроки тоже были, — а просто так. Придет, сядет на диван, подожмет ноги и говорит: «Мария Сергеевна, а сыграйте мне что-нибудь. Только не гаммы, а настоящее. Чтобы душа развернулась». И Мария Сергеевна играла — Шопена, Чайковского, Рахманинова, — а Леночка слушала и плакала иногда, сама не зная почему. А потом они пили чай с сушками, и Леночка рассказывала про школу, про то, как они теперь целыми днями смотрят в экран и как ей кажется, что она постепенно тупеет.

«Я, — говорит, — раньше любила читать. Помните, вы мне „Маленького принца“ подарили? Я его три раза прочитала. А теперь... теперь я открываю книгу и не могу сосредоточиться. Глаза бегают по строчкам, а мысли скачут. Я привыкла, что мне все показывают и объясняют. А когда читаешь — надо самой представлять, самой думать. Я разучилась».

И Мария Сергеевна тогда обняла ее и сказала: «Не бойся, Леночка. Это не ты разучилась. Это тебя пытаются разучить. Но ты сильная. Ты справишься».

— Знаете, — вымолвил Алексей Петрович, отставляя чашку, — я на днях думал: а что, если мы с вами... как бы это сказать... создадим что-то вроде противовеса? Нет, не кружок, не обязательку. А просто — пусть приходят. Ко мне или к вам — неважно. Пусть здесь будет место, где нет экранов и нет алгоритмов. Где есть живой разговор, живая музыка, живая математика. Где они могут быть людьми.

Мария Сергеевна долго смотрела на него, словно что-то взвешивая в уме. Потом лицо ее просветлело, и она улыбнулась — впервые за утро по-настоящему, открыто, так, как улыбаются люди, которые наконец нашли родственную душу.

— Знаете, Алексей Петрович, — сказала она, — я думаю, что это самое Божье дело из всех возможных. Потому что машина может дать знание. Но только человек может дать любовь. А без любви знание мертво. Абсолютно мертво.

За окном начинался рассвет. Серое небо над Жиздрой постепенно наливалось розовым, снег на ветках яблонь заискрился, и далеко-далеко, у Оптиной пустыни, ударил колокол — тихо, едва слышно, словно приглашая мир к началу нового дня. Алексей Петрович и Мария Сергеевна допили чай молча, в каком-то удивительном, наполненном смыслом безмолвии. Им не нужны были слова — они и так понимали друг друга. Понимали, что их объединяет не просто недовольство новыми технологиями, а нечто гораздо более глубокое: любовь к живому, трепетному, настоящему, чему-то, что нельзя просчитать алгоритмом и уложить в байты. Любовь к детям, которые терялись в этом новом, бездушном мире и отчаянно искали тепла. И, может быть, еще — только намеком, только на самом краешке сознания — зарождающаяся любовь друг к другу, тихая, зрелая, как позднее яблоко антоновки, которая родилась не на экране монитора, а в живой тишине заснеженного сада.

Они вышли из дома вместе. Мороз уже расшалился вовсю — щипал щеки, рисовал узоры на стеклах, превращал дыхание в облачка пара. Алексей Петрович закрыл дверь на ключ, и они пошли по расчищенной дорожке к калитке. Впереди был школьный день, полный того тягостного, надзирательского безделья, которое теперь стало его работой. Но на душе у обоих было удивительно светло — словно этот утренний чай и этот разговор что-то изменили в самом устройстве мира. Пусть ненадолго, пусть только для них двоих, но изменили.

У калитки они остановились. Ему нужно было еще покормить птиц — он делал это каждое утро, насыпая в кормушку зерно и кроша хлеб. Ей нужно было успеть домой перед школой — переодеться, взять ноты. Но они медлили.

— Вы придете сегодня? — спросил он и тут же поправился, смутившись: — Я имею в виду, после уроков. Может, чаю попьем? Или я к вам зайду? Я ведь у вас ни разу не был. Говорят, у вас пианино какое-то особенное.

— Старинное, немецкое, — ответила она, поправляя платок. — Еще прежней хозяйки. Чудом уцелело в войну. Приходите, Алексей Петрович. Я вам сыграю. У меня сегодня после школы как раз Леночка будет, но к вечеру она уйдет. Приходите часам к семи. Только... — она вдруг замялась, — только уговор: мы не будем говорить о школе. О «Дидакте» этом. Давайте просто... послушаем музыку? И помолчим? Вы знаете, я иногда думаю, что самое главное в жизни — это уметь молчать с кем-то вместе.

— Это вы точно сказали, — он кивнул и поправил шапку. — Самое главное — молчать вместе. Потому что слова часто лгут. А молчание — нет.

Она кивнула и пошла по улице вниз, к реке, туда, где за мостом начинался лес. Маленькая фигурка в сером платке быстро скрылась за снежными завалами, и только следы на нетронутой целине говорили о том, что здесь только что прошел человек.

Алексей Петрович еще постоял немного, глядя ей вслед. Потом пошел к сараю, взял пакет с зерном и направился к кормушкам, которые он соорудил прошлой осенью из простых сосновых досок. Синицы уже ждали — они сидели на голых ветках березы, нахохлившись, похожие на живые пушистые шарики. Увидев его, они загалдели, засвистели — тоненько, требовательно. Он насыпал зерна, раскрошил хлеб, и птицы тотчас же слетелись, запрыгали по дощатому настилу, застучали клювами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.